

УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМИ
ПРОЦЕССАМИ В СИБИРИ:
ЭТНОПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Савинов Л. В.

доктор политических наук, доцент, декан факультета государственного и муниципального управления Сибирского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 630112, Россия, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6, savinov@siu.ranepa.ru

Шевцова Е. В.

кандидат политических наук, доцент кафедры менеджмента Сибирского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 630112, Россия, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6, shevtsova@siu.ranepa.ru

УДК 32:39(571.1/.5)

ББК 66.3(2Рос-16),5

Цель. Исследование миграционных процессов в Сибирском федеральном округе в контексте этнополитики как на региональном, так и на федеральном уровне и определение ответов на вызовы этнополитики через формирование эффективной и адекватной миграционной политики.

Методы. Исследование базируется на методологии инструменталистского подхода к пониманию этнополитики. В качестве базовых использовались как общие методы политического анализа как системный, сравнительный и социокультурный подходы. Политологическое осмысление исследуемой проблематики миграционных процессов опирается на концептуальные научные достижения В. А. Волоха, А. В. Дмитриева, Л. А. Кононова, В. А. Тишкова, А. С. Чеснокова и т. д.

Результаты. Выявлены пять основных проблемных точек пересечения миграционной и национальной политики, базирующихся на концептуальных документах в этой области. Проведен ретроспективный анализ ситуации в Сибирском федеральном округе на основе выделенных узлов пересечения миграционной политики и этнополитики. На основе представленного исследования определяются рекомендации и предложения для совершенствования миграционной и национальной политики на региональном уровне.

Научная новизна. Научная новизна заключается в исследовании влияния миграционных процессов на содержание и специфику этнополитики в Сибирском федеральном округе и ее регионах. Определены значимые для такого анализа исторические, социокультурные, социально-экономические и политические условия для формирования адекватной и эффективной миграционной политики. Выделены этапы миграционного освоения Сибири и особенности современных миграционных процессов.

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Миграционная политика Новосибирской области: возможности и ограничения», № 16-13-54002, 2016 г.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, этнополитика, национальная политика, Сибирь, Сибирский федеральный округ.

MANAGEMENT OF MIGRATION PROCESSES IN SIBERIA:
ETHNO POLITOLOGICAL ANALYSIS

Savinov L. V.

Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, Dean of the Faculty of State and Municipal Management of the Siberian Institute of Management-Branch, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Russia), 6 Nizhegorodskaya str., Novosibirsk, Russia, 630112, savinov@siu.ranepa.ru

Савинов Л. В., Шевцова Е. В.

Shevtsova E. V.

Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor of the Department of Management of the Siberian Institute of Management-Branch, Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation (Russia), 6 Nizhegorodskaya str., Novosibirsk, Russia, 630112, shevtsova@siu.ranepa.ru

Purpose. Study of migration processes in the Siberian Federal District, in the context of the ethnic policy, both at the regional and federal level and identifying the challenges of ethnic policy through effective and adequate migration policies.

Methods. The study is based on the methodology of instrumentalist approach to understanding the ethnic policy. As a base, the authors used both common methods of political analysis and systematic, comparative and cultural approaches. Political thinking of investigated issues of migration processes is based on conceptual scientific achievements by V.A. Volokh, A. V. Dmitriev, L. A. Kononov, V. A. Tishkov, A. S. Chesnokov, etc.

Results. The authors identified five main problematic intersections of migration and national policies based on conceptual instruments in this field. The retrospective analysis of the situation in the Siberian Federal District based on selected nodes crossing the migration policies and ethno politics. Based on the study the authors define recommendations and proposals for improving migration and national policies at the regional level.

Scientific novelty. Scientific novelty and originality consist in the study of the impact of migration on the content and specificity of ethno politics in the Siberian Federal District and its regions. For an adequate and effective migration policy, the authors identified historical, socio-cultural, socio-economic and political conditions significant for this analysis and highlighted the steps of the migration development in Siberia and features of contemporary migration processes.

Financing. The article is prepared with the financial support of RGNF, project "Migration policy of the Novosibirsk region: opportunities and constraints", № 16-13-54002, 2016.

Key words: migration, migration policy, ethno politics, national policies, Siberia, Siberian Federal District.

Введение. В современном мире миграция и миграционная политика, межэтнические отношения и этнополитика становятся неотъемлемой частью не только внутренней, но и международной политики. Россия в этой ситуации не является исключением. Более того, мы являемся одними из лидеров на мировой арене, как по приему мигрантов, так и по оттоку населения за рубеж. При этом географические масштабы и исторические условия формирования нашего государства создают социальное пространство, на котором были, есть и будут происходить активные миграционные процессы [1].

К тому же Россия – полиэтническое и многоконфессиональное государство со сложной структурой народонаселения. Здесь переплелись разные культуры и верования, традиции и обычаи. При этом современные миграции значительно усиливают это многообразие и многосоставность российского общества как социальной системы. Указанные особенности определяют в определенных условиях значимые риски и угрозы в сфере межэтнических отношений. И миграция становится значимым фактором этнополитики [2].

Постановка задачи и методология исследования. Авторы ставят перед собой двуединую задачу исследования миграционных процессов в Сибирском федеральном округе в контексте этнополитики как на региональном, так и на федеральном уровне. Вместе с тем ставится задача обратного определения ответов на

вызовы этнополитики через формирование эффективной и адекватной миграционной политики как управления миграционными процессами.

Исследование строится на методологии инструменталистского подхода к пониманию этнополитики. В широком смысле предлагается понимание этнополитики как сферы социальной реальности, где этничность главным образом является инструментом для достижения, удержания и распределения ограниченных социально значимых ресурсов: власти, капитала, статусов, материальных и духовных ценностей и благ. В узком понимании этнополитика – это специальная и специфическая управленческая деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, а также институтов гражданского общества по регулированию межэтнических отношений. В этом ключе в России принято говорить о национальной политике.

В свою очередь под миграцией в работе понимается перемещение населения через административные границы населенных пунктов на социально значимое время с изменением постоянного места жительства, обусловленное определенными факторами и причинами, воздействующими на данный процесс.

В свою очередь, миграционная политика – это целенаправленная деятельность органов государственной власти, местного самоуправления и институтов гражданского общества в сфере оптимизации внутренних и внешних миграционных процессов с целью

формирования потоков миграции адекватных конкретно-историческим условиям страны.

В силу указанных определений и понимания базовых исследуемых феноменов предлагается рассматривать миграцию как фактор этнополитики и объект управления в рамках миграционной и национальной политики.

Описание проблемы и механизмы их решения. В широком понимании этнополитики миграция во многом усложняет социальную структуру общества, фрагментируя ее по этническим, культурным, религиозным и иным границам. При этом встреча культур или цивилизаций (в представлении С. Хантингтона) имеет как минимум две формы:

- позитивную, как взаимное дополнение, развитие и коэволюцию народов, культур и традиций;
- негативную, как конфликт ценностей и образов жизни.

В силу указанного любое государство в рамках специальной политики обязано регулировать миграционные процессы и формировать адекватную реалиям конкретного социального пространства и социального времени миграционную и национальную политику.

Нам сегодняшний день в России принят достаточный корпус доктринальных и концептуальных документов в этой области. Речь прежде всего о Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года и Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года, а также других нормативно-правовых документах [3, 4, 5, 6].

Анализ этих документов позволяет выделить как минимум пять взаимосвязанных сюжетов, значимых для нашего исследования. Фактически это точки пересечения миграционной и национальной политики.

Во-первых, во всех документах рефреном проводится мысль о необходимости и значимости для многонационального российского общества межэтнического и межконфессионального мира и согласия. В максимуме – это вопрос национальной безопасности [7]. В этом же смысловом поле находятся проблемы противодействия этническому и религиозному экстремизму и терроризму. Актуальной для российской действительности остается и проблема незаконной миграции.

Во-вторых, выделяются вопросы адаптации и интеграции мигрантов и их защищенности в широком смысле. Речь главным образом идет об их включенности в политическое, экономическое, социальное и культурное пространство современной России. И здесь необходимо как минимум выделить следующие болевые точки:

- готовность и способность самих мигрантов к широкой социальной адаптации и интеграции. Возможно, необходимо выделять дифференцированные

уровни включенности мигрантов в принимающее сообщество в зависимости от характера миграционных процессов, в которые они включены: в отношении трудовых мигрантов необходимо развивать систему адаптационных мероприятий, в отношении мигрантов, получающих гражданство необходимы мероприятия и по адаптации и по интеграции;

- подготовленности самого принимающего сообщества, особенно на местном (локальном) уровне к приему мигрантов, к существованию в условиях нарастающего миграционного разнообразия.

В-третьих, из указанного выше вытекает проблема натурализации мигрантов. Все большее стремление мигрантов к получению российского гражданства актуализирует риски и угрозы общероссийской гражданской идентичности, формирование которой само по себе находится на начальном этапе. Российская нация – все еще не заверченный политический проект. В этих условиях по-новому вскрывается проблема «Мы – Они» как «Свои – Чужие». Национальное единство и солидарность в условиях значительных миграционных вызовов ставится, как показывает западный опыт, под сомнение.

В-четвертых, в указанных выше документах особое внимание уделяется соотечественникам. Претензия политического класса современной России во главе с Президентом В. В. Путиным на цивилизационную значимость российской государственности требует затратной политики привлечения на историческую Родину соотечественников и, прежде всего, с постсоветского пространства. Это является и одной из возможностей восполнения населения и рабочей силы в условиях сложной демографической ситуации в перспективе.

И наконец, необходимо говорить о соотношении целей и задач органов государственной власти, формирующих и реализующих миграционную и национальную политику. До апреля 2016 года за данные направления были ответственны Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН) и Федеральная миграционная служба (ФМС). Однако в апреле 2016 года функции и полномочия Федеральной миграционной службы (ФМС) в соответствии с Указом Президента РФ от 05.04.2016 № 156 были переданы МВД. При этом штат ФМС России сокращен на 30 %. В структуре МВД России создано новое главное управление в составе Центрального аппарата Министерства – Главного управления по вопросам миграции.

По мнению же председателя Общественного совета при ФМС России, профессора Государственного университета управления Владимира Волоха ФМС и МВД желательно действовать отдельно, так как во время их слияния в 2002 году наблюдалось увеличение числа незаконных мигрантов, группировок

и коррумпированных дел. Согласно его словам, деятельность ведомства четко соответствовала концепции миграционной политики России [8].

На основе выделенных узлов пересечения миграционной и национальной политики и этнополитики в широком смысле представим ситуацию в Сибирском федеральном округе как геополитически и стратегически значимом регионе Российской Федерации.

Итак, за население в Сибири, как и в России в целом, существует жесткая конкуренция. При этом в ближайшее время проблему численности населения в сибирском макрорегионе решить естественным демографическим ростом будет невозможно. Устойчивый прирост населения за счет высокой рождаемости наблюдается только в Тыве и Агинском Бурятском округе. Все остальные регионы вынуждены ориентироваться на приток внутренних и внешних мигрантов. В первом случае – это разворот с «западного дрейфа» на «восточный прилив», как политику активного привлечения переселенцев из западных и южных регионов России в Сибирь и на Дальний Восток. Внешняя миграция, в свою очередь, должна быть ориентирована на привлечение соотечественников, а также мигрантов из постсоветских государств.

Конечно, для изменения направления миграции в Сибири – из выезда на въезд – необходимы долгосрочные программы существенного повышения уровня и качества жизни сибиряков, требующие значительных ресурсных вложений в человеческий капитал. По этим показателям Сибирь и Дальний Восток должны стать территориями опережающего развития. Необходимы реиндустриализация, развитие отраслей «умной» и «зеленой» экономики и глубокая переработка на месте природных ресурсов. Вообще речь идет о хороших ответах на вопросы о terra nullius.

Для Сибири значимы не только общероссийские тренды, как «западный дрейф». Значимы и собственно сибирские территориальные особенности. И здесь миграционная ситуация очень разная. К примеру, все сибирские региональные столицы – отдельные миграционные случаи. Однако имеются и общее в собственно сибирской ситуации. И это связано главным образом с Транссибом и региональными столицами – миграционными аттракторами. Где города – это точечные географические аттракторы, а Транссиб, в свою очередь, – линейный инфраструктурный аттрактор. При их совпадении формируется мультимодальный миграционный узел, к которому концентрируются те пересечения миграционных и этносоциальных процессов, о которых шла речь выше. В этих случаях Новосибирск, Красноярск, Иркутск – это мультимодальные миграционные узлы, крайне отличающиеся от Томска, Барнаула, Абакана и столиц Республики Тывы и Республики Алтай.

Крупные мультимодальные миграционные аттракторы забирают к себе население из других городов. Эти аттракторы притягивают к себе и сельское население. Так выглядят сегодня Новосибирск и Красноярск. Очень опасный во всех отношениях тренд «обезлюдивания» села можно назвать «монголоизацией». В Монголии около 3 млн. населения, половина которого живет в столице – Улан-Баторе. В этом отношении Новосибирская область тоже 3 млн. населения, половина которого живет в столице региона. Указанные два примера отличаются мульти модальностью: Новосибирск – миграционный узел, Улан-Батор – всего лишь точечный географический миграционный аттрактор.

Мультимодальные миграционные узлы притягивают к себе не только внешних и внутренних мигрантов, они являются центрами этномиграционных

Табл. 1. Периодизация миграционных процессов в Сибири

Наименование	Период	Характер	Организация	Направление	Итог
Имперский	17 в. – до 1917 г.	естественный процесс	хаотичный в начале и организованный в конце	эволюционный	русификация
Ранний советский	1917 г. – 1941 г.	искусственный процесс	планово-организованный	революционный	русификация
Военно-мобилизационный	1941 г. – 1945 г.	искусственный процесс	мгновенно-мобилизационный	революционный	русификация
Добровольно-мобилизационный	1945 г. – 1991 г.	Искусственный процесс	планово-мобилизационный	эволюционный	интернационализация
Ранний российский	1991 г. – 2006 г.	Естественный процесс	хаотичный	эволюционный	мультикультурализация
Современный российский	2007 – по н.в.	Естественный процесс	организованный	эволюционный	мультикультурализация

Составлено авторами

проблем и напряжений. Именно поэтому именно в этих регионах необходимо и важно обращать особое внимание на миграционную и национальную политику в совокупности. Мы можем говорить в этом случае о миграционной этнополитике.

И наконец, о самой миграционной политике в Сибири. Методологически неправильно и политически опасно рассматривать современную миграцию как нечто новое и не характерное для Сибири и ее регионов. Здесь миграция была всегда [9, 10, 11, 12, 13]. И периодизацию миграционных процессов в Сибири можно представить в четырех временных локусах.

Эти волны миграции необходимо рассматривать как освоение Сибири. И для каждого из выделенных периодов была характерна своя миграционная и этнополитика.

Сегодня Сибирь как макрорегион включен во внутренние и внешние миграционные процессы, характерные для современной России. Однако, обладая значительными особенностями исторического, социокультурного и экономического характера, регион имеет существенные отличия в содержании и тенденциях развития миграционных процессов на своей территории. Одним из таких особенностей, как мы уже и указывали, является так называемый «западный тренд», когда население покидает Дальний Восток и Сибирь, перемещаясь в Центральную Россию – главным образом в столицы. При этом Сибирь остается привлекательной территорией для внешних мигрантов в основном из азиатских постсоветских республик.

Указанные направления и тенденции в миграционных процессах в Сибири приводят к изменениям в этнической структуре населения и мифологизации миграции и мигрантов. При этом усиливаются антимигрантские и ксенофобские настроения среди коренного населения, определяемые по оси «свой – чужие». Характер и содержание таких настроений требует внимательного и глубокого изучения. Преодоление негативных проявлений в общественных настроениях сибиряков (как и россиян в целом) должно быть связано с эффективной государственной политикой по адаптации и интеграции мигрантов, а также подготовкой местного населения к миграции как повседневности и долгосрочному тренду.

Наши исследования (2003–2015 гг.) выявили ряд позиций, связанных с ожиданиями внешних мигрантов в отношении места вселения, характером расселения, проблемами экономического и политического плана.

Социальные ожидания внешних мигрантов из Средней Азии и Кавказа все больше связаны (по сравнению с девяностыми и нулевыми годами) с получением гражданства Российской Федерации и/или долгосрочным закреплением на территории Сибири в рамках малых социальных групп, объединенных, в большей степени, родственными и клановыми связями. Эти

ожидания обусловлены (в ранжированном представлении, по результатам углубленных интервью):

- экономическими факторами (трудоустройство, бизнес-климат и т.д.);
- социальными факторами уровня и качества жизни (здравоохранение, образование, безопасность);
- факторами культурного плюрализма (в том числе и религиозными послаблениями) и свободой повседневности (слабостью социального контроля, более светским характером образа жизни для мигрантов из Таджикистана, Узбекистана, южных регионов Киргизии);
- политическими факторами (политические свободы и гражданские права).

В целом нужно отметить, что ожидания мигрантов в отношении политики федеральной власти связаны, прежде всего, с патерналистской моделью миграционной и этнополитики, однако эти ожидания пока не оправдываются.

При изучении характера расселения внешних мигрантов в регионах Сибирского федерального округа, были выявлены следующие тенденции:

- крайне усугубляется тенденция к пространственной локализации мигрантов (этногауны) и формированию закрытых сетевых сообществ (также замкнутых в «своих» информационных пространствах);
- происходит все большее разграничение диаспор по резидентности (мигранты разных волн приезда и закрепления в регионе – «старые» и «новые» мигранты, причем также происходит дифференциация по месту расселения).

Основными экономическими проблемами внешних мигрантов в регионах Сибирского федерального округа можно назвать:

- формирование локальных рынков труда, охватывающих практически полностью определенные сферы региональной экономики (строительство, сфера ЖКХ, сельское хозяйство и т.д.), существенно закрытых и с высокой долей коррупции;
- крайняя экономическая незащищенность трудовых мигрантов, выражающаяся в более низком начальном уровне заработной платы, отсутствии социальных гарантий со стороны работодателя, отсутствии соблюдения техники безопасности;
- мигранты привлекаются на работы преимущественно ручного или машинно-ручного труда с технологическими особенностями производства, что обуславливает в целом тяжелые условия труда, а также тормозит мотивацию работодателей к модернизации производства.

Проанализировав основные траектории политической деятельности лидеров мигрантских сообществ (диаспор), а также самих мигрантских организаций, приходим к следующим выводам:

- политика лидеров мигрантских сообществ (диаспор), в том числе руководителей национально-куль-

турных автономий и других национальных, культурных и религиозных организаций носит по большей части инструментальный характер;

- наблюдается все большее стремление лидеров мигрантских (этнических) сообществ как явных, так и латентных к включенности в политические процессы (в том числе электоральные), они уже формулируют требования участия во власти (особенно на уровне местного самоуправления);

- существует существенная проблема представительства (реального/активного членства) официальных организаций мигрантов (в первую очередь, национальных культурных автономий);

- усугубляется тенденция к делению и множественности организаций мигрантов (по резидентности, клановости, религиозности, социальному статусу и т.д.), что размывает первоначальные цели и задачи данных организаций, способствует оттоку мигрантов из них и нарастанию среди мигрантского сообщества феномена политического нигилизма.

Заключение. Что такое миграция и миграционная политика? Какой должна быть этнополитика по отношению к мигрантам? То есть в чем суть миграционной этнополитики? Один из ответов есть у Р. Коллинза, в его теории макроистории: «Чтобы выявить траектории развития краткосрочных процессов, нам нужен долгосрочный – макроисторический взгляд» [14].

Когда мы говорим о миграционной этнополитике, необходимо понимать ее акторов. Если пессимизм ума наши власти успешно преодолевают оптимизмом своей воли, то экспертное сообщество наоборот: пессимизм воли успешно преодолевают оптимизмом ума. В этой сфере правильно сформулированные вопросы иногда более значимы плохих ответов.

Литература:

1. Волох В. А. Миграция населения как объект научного исследования: сущность, современные трактовки и классификация // PolitBook. 2015. № 1. С. 7–16.
2. Хопёрская Л. Л. Этнополитическая система и модели этнополитических конфликтов // Анатомия этнополитики: коллективная монография / Под ред. Л. В. Савинова. Новосибирск, 2015. С. 319–339.
3. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.4.
4. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Утверждена Президентом РФ 13 июня 2012 г. // Ваше право. Миграция. 2012. № 13. С. 3–6.
5. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года:

- Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 // Собрание законодательства РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.
6. О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 606 // Российская газета. 2012. 9 мая. С. 9.
 7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1. (часть II) Ст. 212.
 8. Упразднение ФСКН и ФМС: Шаг в будущее или откат? [электронный ресурс]. URL: <http://nsn.fm/society/uprazhdenie-fskn-i-fms-shag-v-budushchee-ili-otkat-nazad.php> (дата обращения 25.04.2016).
 9. Дятлов В. И., Григоричев К. В. Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 8–19.
 10. Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков: монография / В. И. Дятлов и др. Иркутск: Оттиск, 2011. 623 с.
 11. Григоричев К. В., Дятлов Д. В., Дятлов В. И. Миграции и диаспоры в социокультурном, экономическом и политическом пространстве Сибири, XIX–XXI вв. // Вестник Омского университета. 2010. № 4. С. 310–313.
 12. Дятлов В. И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // ПОЛИТИЯ. Журнал политической философии и социологии политики. 2010. № 3–4. С. 121–149.
 13. Ремнёв А. В. Административная политика самодержавия в Сибири в XIX – начале XX веков: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Омск, 1997. 290 с.
 14. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности / Пер. с англ. М.: URSS, 2015. 504 с.

References:

1. Volokh V. A. Migration as an object of scientific study: essence, modern interpretation and classification // PolitBook. 2015. № 1. P. 7–16.
2. Hopyorskaya L. L. Ethno political system and models of ethno political conflicts // Anatomy of ethno politics: collective monograph / Ed. By L. V. Savinov. Novosibirsk, 2015. P. 319–339.
3. On the Strategy of the State national policy of the Russian Federation for the period up to the year 2025: Decree of the President of the Russian Federation dated December 19, 2012 № 1666 // Sobraniye zakonodatelstva RF. 2012. № 52. Art. 7477.4.
4. The concept of the State migration policy of the Russian Federation for the period up to the year 2025: Approved by the RF President June 13, 2012 // Vashe parvo. Miratsiya. 2012. № 13. P. 3–6.

Савинов Л. В., Шевцова Е. В.

5. On approval of the Concept of demographic policy of the Russian Federation for the period up to the year 2025: Decree of the President of the Russian Federation dated October 9, 2007 № 1351 // *Sobraniye zakonodatelstva*. 2007. № 42. Art. 5009.
6. On measures to implement the population policy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2012 № 606 // *Rossiyskaya gazeta*. May 9, 2012. P. 9.
7. On the national security strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated December 31, 2015 № 683 // *Sobraniye zakonodatelstva*. 2016. № 1. (part II) Art. 212.
8. The abolition of the FSKN and FMS: A step into the future or rollback? [e-resource]. URL: <http://nsn.fm/society/uprazhdenie-fskn-i-fms-shag-v-budushchee-ili-otkat-nazad.php> (date of reference 25.04.2016).
9. Dyatlov V. I., Grigoriev K. V. Siberia: Dynamics of ethnization of urban space of migration society // *Izvestiya of Irkutsk State University. Series: Politologiya. Religiovedeniye*. 2014. V. 10. P. 8–19.
10. East Russia: migration and diaspora in resettlement society. Frontier of XIX-XX and XX-XXI centuries: monograph / V. I. Dyatlov, etc. Irkutsk: Ottisk, 2011. 623 p.
11. Grigoriev K. V., Dyatlov D. V., Dyatlov V. I. Migration and diaspora in the socio-cultural, economic and political space of Siberia, XIX-XXI centuries. Bulletin of the University of Omsk. 2010. № 4. C. 310–313.
12. Dyatlov V. I. Trans border migrants in modern Russia: dynamics of stereotyping // *POLITIYA. Zhurnal politicheskoy filosofiyi i sotsiologiyi politiki*. 2010 № 3–4. P. 121–149.
13. Remnyov A. V. Administrative policy of autocracy in Siberia in 19th and early 20th centuries: Candidate's Dissert. (History). Omsk, 1997. 290 p.
14. Collins R. Macro history: Essays on the sociology of long duration / Transl. from Engl. M: URSS, 2015. 504 p.